

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ И ЕЕ РЕШЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ТОЛКОВАНИЯ ФЕОДОРА ПРОДРОМА

А. В. Антишкин

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 16 сентября 2020 г.

Аннотация: произведения православной гимнографии, используемые за богослужением, написаны византийскими авторами, многие из которых прославлены Святой Церковью в лике святых и признаны вдохновенными и талантливыми поэтами. В их числе прп. Иоанн Дамаскин и прп. Косма Маюмский, жившие и писавшие в VIII веке. Их поэтический язык насыщен всевозможными образами и весьма сложен, а потому трудно поддается переводу на другие языки. Известно, что славянские переводы богослужебных произведений этих авторов не всегда легко уразуметь, и зачастую может возникнуть вопрос о точности самих переводов. Проблема понимания богослужебных текстов имела место и в поздней Византии, так как сами византийцы с трудом вникали в смысл богослужебных канонов. Поэтому в XII веке возникло такое явление, как комментирование богослужебных текстов. Одним из таких комментаторов был поэт Феодор Продром, составивший 17 комментариев на богослужебные каноны. Мы в нашем исследовании делаем грамматический разбор ирмоса третьей песни второго канона праздника Богоявления, так как это место является «темным» и невразумительным в каноне, что может привести верующих к непониманию или полупониманию богослужебного текста. Также нами параллельно приводится на этот отрывок толкование Феодора Продрома. Необходимо отметить, что тексты праздника Богоявления содержат большое количество сложных мест, а комментарий, составленный Феодором Продромом, хорошо раскрывает смысл фраз ирмосов и тропарей.

Ключевые слова: прп. Косма Маюмский, прп. Иоанн Дамаскин, ирмос третьей песни второго канона на Богоявление, Феодор Продром, толкование богослужебных текстов, комментарий на каноны Богоявления, сложные места в толковании на канон Богоявления.

Abstract: orthodox hymnographic works used for liturgy have been written by byzantine authors, many of which have been canonised as Saints by the Holy Church and have been recognised as inspired and talented poets. Among them are John of Damascus or Cosmas of Maiuma, who lived and wrote during the 8th century. Their poetic language is rich with powerful images and it is extremely complex. That is why translating them in other languages is so difficult. We know that the slavich translations of these authors' liturgical texts are not always easy to understand, and often the accuracy of the translations themselves can be put into question. The problem of understanding liturgical texts was already evident in late Byzantium, since the byzantine already found it difficult to untangle the meaning of liturgical canons. That is why commentaries of these texts started to appear in the 12th century. Theodore Prodromus is among these commentators. He wrote 17 commentaries on liturgical canons. In this study, we conducted a grammatical analysis of the irmos of the third song of the second Epiphany canon, considering that this part is "obscure" and incomprehensible inside the canon. This, in fact, might lead worshippers to an incorrect or a partial understanding of the text. Additionally, we gave an interpretation of Theodore Prodromus's passage. It is important to note that the Epiphany texts contain a great number of complex passages, whereas commentaries written by Theodore Prodromus well explain the meaning of sentences of irmos and troparia.

Keywords: St. Cosmas of Maiuma, St. John of Damascus, irmos of the third song of the second Epiphany canon, Theodore Prodromus, liturgical texts exegesis, commentary on the canons of the Epiphany, complex places in the interpretation of the canon of the Epiphany.

Сложность текста канона на Богоявление была ярко проиллюстрирована в одном из писем свт. Феофана Затворника, где говорится о последствиях, к которым приводит непонимание смысла того, что читается и поется в храме. Автор рассказывает конкретную историю отпадения верующих от Пра-

вославной Церкви: «Одна из причин, склонивших православных к штунде, есть именно непонятность церковных песнопений. Немчура — пастор, заведший штунду, выбрал несколько песнопений и спрашивает православных, будто из любопытства, что говорят сии песни? Те отозвались непониманием. Он сказал: сходите, спросите у священника; но и священник не мог указать смысла. Это очень

поколебало православных. И тот немчура потом легко уже сбил их с толку» [11, электронный ресурс. URL: <http://www.biblioteka3.ru>].

Византийский поэт и комментатор ряда богослужебных канонов Феодор Продром, который по праву может быть назван великим византийским писателем, вносит ясность и помогает лучше осмыслить и пережить поэтические строки многих византийских канонов. К сожалению, именно эти произведения, особенно важные для церковной традиции, — комментарии на каноны великих праздников — не переведены ни на один европейский язык, в том числе и на русский. Для нас, как наследников византийской культуры, весьма важным представляется иметь в русском варианте переводы комментариев на каноны великих Господских праздников для их лучшего осмысления, с возможностью последующего их использования и распространения в числе книг, рекомендованных для каждого христианина.

Биография Феодора Продрома полна неясностей. Он родился в Константинополе в начале XII века [7, 164] и называл себя Птохопродромом, то есть бедным Продромом [8, 511–512]. Расцвет его деятельности пришелся на царствования Иоанна II и Мануила I Комнинов (1118–1180 гг.) [14, 156]. О раннем и зрелом периоде жизни писателя мы узнаем исключительно из его собственных сочинений. К примеру, из риторического трактата «Против тех, кто из-за бедности злословит провидение» [5, col. 1291–1302] известно, что он был благородного происхождения, получил образование у лучших учителей своего времени, усердно изучал грамматику, риторику, философию, геометрию, арифметику и философию, но имел речевой недостаток — заикание. Его учителями были философы и риторы начала XII в. Михаил Италик и Феодор Смирнский [10, 140]. Отец Феодора Продрома хотел, чтобы его сын стал солдатом, но заболевание помешало ему стать военным [2, р. 105].

Лев Алляций в статье о Феодоре Продроме, которая помещена в РГ в качестве введения к изданию его текстов, приводит одно стихотворение Продрома, где тот упоминает про деда и отца, которых также звали Продромами, и упоминает дядю по имени Христос, в монашестве Иоанн II, ставшего затем главой Киевской митрополии, «на которую восшел, он благочестиво окормлял» [1, col. 1006]. Отец писателя был начитанным человеком, много знал и повидал в жизни [9, 85].

После окончания школы Феодор Продром занимался преподавательской деятельностью, в том числе был наставником царевны Анны Комнины и Исакия Багрянородного, младшего сына императора Алексея Комнина. Однако основным его занятием была литература.

Перед смертью Феодор Продром принял монашеский постриг с именем Николай [3, 26]. Он умер от оспы [7, 160–161] по одним данным в 1153 году,

по другим в 1143 году [10, 140]. Его смерть была оплакана друзьями и учениками, а его славой пользовались многие другие стихотворцы, которые приписывали ему свои сочинения, дабы получить признание [6, 461].

Теперь перейдем к грамматическому разбору ирмоса третьей песни второго канона праздника Богоявления.

Вначале приведем славянский и греческий тексты ирмоса. Нами выделены и подчеркнуты выражения, требующие разъяснения и грамматического разбора:

Елицы древних изрешихомся сетей, **брашен львов сотренных членовными**, радуимся и разширим уста, **слово плетуще от словес сладкопения, имже к нам наслаждается дарований**.

Ἡμεῖς παλαιῶν, ἐκλελύμεθα βρόχων, βορῶν λεόντων, συντεθλασμένων μύλας, Ἀγαλλιῶμεν, καὶ πλατύνωμεν στόμα, Λόγῳ πλέκοντες, ἐκ λόγων μελωδίαν, ἧτι τῶν πρὸς ἡμᾶς, ἥδετα δωρημάτων.

Эти тексты соответствуют современным минеям, принятым в Русской и Элладской Церкви. Как видно из славянского текста, это, действительно, очень сложное для понимания песнопение, одно из тех, которое мог бы употребить немецкий пастор из письма святителя Феофана в качестве искушения православных.

Этот ирмос упоминает в своей актовомой речи в Московской Духовной Академии в 1910 году профессор классической филологии Московского Императорского Университета С. И. Соболевский и представляет его как сложное место: «В каноне на Богоявление Господне славянский текст совсем непонятен: «Елицы древних изрешихомся сетей, брашен львов сотренных членовными». Греческий текст совершенно ясен: «Ἡμεῖς παλαιῶν, ἐκλελύμεθα βρόχων, βορῶν λεόντων, συντεθλασμένων μύλας» — «мы, которые избавились от сетей прожорливых львов» (т.е. расставленных нам прожорливыми львами), у которых зубы сокрушены»; в славянском переводе βορῶν принято за род. пад. существительного βορός «пища», тогда как на самом деле — это род. пад. прилагательного βορός «прожорливый» [12, 379–380].

Далее обратимся к объяснению грамматической связи выражения «львов сотренных членовными». Слово «членовными» грамматически зависит от слова «львов». Славянский перевод мы можем понять так, что речь как будто идет о сокрушении львов челюстями. Если же обратиться к греческому оригиналу, то мы увидим, что в словосочетании «λεόντων, συντεθλασμένων μύλας» слово «μύλας» «челюсти» стоит в винительном падеже в функции accusativus relationis — (винительного отношения). Технический русский перевод будет выглядеть так: «львов, сокрушенных в отношении челюстей». Сложность в понимании этого фрагмента заключается в том, что в славянском и русском винительный падеж не имеет такой функции и при переводе нужен творческий

подход, чтобы верно передать смысл. Верный русский перевод всей фразы такой: «мы избавлены от сетей прожорливых львов, челюсти которых сокрушены».

Сохранился комментарий на каноны Богоявления известного византийского писателя и поэта XII века Феодора Продрома. Приведем его размышления на это место: «Здесь певец (гимнограф) убеждает нас, освобожденных Крещением из западни дьявола, принести гимн благодарности Богу, говоря, что мы освобождены от древних сетей лукавого. И, вот, раздроблены уже челюсти всепожирающих львов! Конечно, это кусающие и терзающие нас демоны, о которых и псалмопевец говорит: «Боже! сокруши зубы их в уста их; разбей, Господи, челюсти львов!»¹ [4, 103]. Этим комментарием Продром еще раз показывает, что выполненный нами перевод данного отрывка является верным, а также комментатор подтверждает свои мысли цитатой из Псалтири, где львы являются символическим выражением демонов. Данный метод толкования показывает Продрома как традиционного комментатора, опирающегося в своих методах на Священное Писание и толкование святых отцов. Тот же образ можно встретить и в 1 послании апостола Петра, где под дьяволом подразумевается лев, ищущий очередную жертву: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»².

Сложным местом является и вторая часть ирмоса: «радуимся и расширим уста, слово плетуще от словес сладкопения, имже к нам наслаждается дарований». Первое, что бросается в глаза — отсутствие субъекта действия в придаточном предложении: «имже к нам наслаждается дарований». Кто «наслаждается дарований» — «ἡδέται δωρημάτων»? Из контекста всего предложения очевидно, что причастие «плетуще», образующее оборот, зависит от глаголов «радуимся и расширим уста», логическим подлежащим которых является местоимение «мы», и когда речь идет о «плетении слов», здесь подразумевается тот же субъект действия, то есть «мы». Глагол «ἡδέται» стоит в форме третьего лица единственного числа и не может быть сказуемым к этому местоимению. Греческий текст вносит ясность. В причастном обороте «Λόγῳ πλέκοντες, ἐκ λόγων μελωδίαν» — «слово плетуще от словес сладкопения» — слово Λόγῳ стоит в дательном падеже, а не в винительном, как в славянском тексте; μελωδίαν — «сладкопение» стоит в винительном, а не в родительном. Таким образом, складывается верный перевод: «Слову сплетая из слов пение». Очевидно, что первое слово оборота Λόγῳ обозначает Бога-Слова, Божественный Логос, Которому слагается пение. Мы также полагаем, что этим словом обозначено лицо, к которому относится глагол «наслаждается». Остается только понять

синтаксические связи между причастным оборотом и придаточным предложением со сказуемым «ἡδέται» «наслаждается, радуется». Это предложение вводится относительным местоимением ὃν, которое стоит в дательном падеже в функции *dativus modi* (образа действия). Оно относится к существительному «δωρημάτων» в функции *genetivus partitivus* (родительной части), и в контексте ирмоса можно предложить такой пояснительный перевод-комментарий: «Этим (т.е. словесным пением) Он наслаждается более всех наших даров (приношений)». Здесь наблюдается так называемая эллиптическая конструкция³, которая характерна вообще для древнегреческого языка и особенно для поэтических текстов. Вторую часть ирмоса полностью можно перевести на русский язык таким образом: «Слову слагая из слов пение, что радует Его больше всех наших дарований».

В этом тропаре есть еще одно место, которое необходимо разобрать: словосочетание внутри последнего придаточного предложения: «к нам наслаждается». В греческом оригинале «πρὸς ἡμᾶς, ἡδέται». Предлог «πρὸς» употреблен с винительным падежом. В словарях Вейсмана и Дворецкого дается широкий спектр значений употребления этого предлога с винительным падежом, в частности «к, по направлению к кому-либо/чему-либо», «у кого-то», «в присутствии «кого-либо», «по отношению к кому-либо». Автор канона, святой Иоанн Дамаскин, использует такую же грамматическую конструкцию, что и Апостол Иоанн Богослов в Прологе своего Евангелия: «καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν». В русском переводе «... И Слово было у Бога...»⁴. Следуя логике русских переводчиков Евангелия, в русском переводе вполне уместно употребление предлога «у», и тогда «πρὸς ἡμᾶς» переводится — «у нас», а в контексте перевода как «наших» (даров, дарований). Можно добавить, что в издании Г. Стевенсона в этой строке ирмоса употреблена конструкция «πρὸς ἡμῶν», то есть предлог «πρὸς» употреблен с родительным падежом в отличие от греческой мины. Таким образом, здесь имеют место разночтения в рукописях греческого текста. С этим падежом «πρὸς» имеет основные значения «от, из, со стороны». Перевод конструкции «πρὸς ἡμῶν» — «от нас». Этот вариант греческого текста может помочь в понимании и переводе последнего отрывка ирмоса.

Приведем теперь комментарий Феодора Продрома ко второй части ирмоса: «Поэтому возрадуемся, разыграем и откроем уста не только на врагов наших, как говорит Анна в настоящей гимнографической песне: «разверзлись уста мои на врагов моих» (1Цар. 2, 1), но и воспоем гимн благодетелю и Ипостасному Слову, и Богу и принесем Ему наши словесные песни.

¹ Пс. 57, 7.

² 1 Пет. 5, 8.

³ Конструкция, в которой некоторые слова понимаются.

⁴ Ин. 1, 1.

Ведь только этот дар из всех благосклонно принимает Бог, ибо именно Словом предпочитает он называться по мысли великого среди богословов Григория» [4, 03]. Этим комментарием Продром вновь подтверждает, что выполненный нами перевод второй части ирмоса верный, а также говорит, что наши словесные песни являются лучшим из всех даров, который будет благосклонно принят Богом. Комментатор также приводит мысль свт. Григория Богослова, что Бог предпочитает называться именно Словом-Логосом. Эта мысль еще больше обогащает понимание всего ирмоса. Толкование Продрома помогает лучше уяснить последнюю строку ирмоса, а также показывает, что добавление «больше всех наших дарований» является достаточно аргументированным и вносит ясность в смысл всей фразы.

Далее приводим сравнительную таблицу русского и исправленного славянского переводов:

<p>Вариант перевода всего ирмоса на русский язык: «Мы, которые избавлены от древних сетей прожорливых львов, зубы которых раздроблены, да радуемся и да воспоем, Слову слагая из слов пение, что радует Его больше всех наших приношений».</p>
<p>Исправленный церковнославянский текст ирмоса: «Елицы древних изрешихомся сетей, львов лютых, ихже членовные сокрушени быша, да возрадуемся и расширим уста, Слову слагающе словес пение, имже от нас наслаждается паче всех приношений».</p>

Какие выводы можно сделать из анализа рассмотренного отрывка?

Во-первых, мы должны стремиться к ясному пониманию богослужебных текстов. Не следует закрывать глаза на наличие невразумительных и «темных» мест. Это имеет педагогическое и апологетическое значение, а также и духовное, а приведенный отрывок из письма свт. Феофана Затворника является ярким тому подтверждением.

Во-вторых, в тех случаях, когда недостаточно для прояснения смысла обращение к словарям церковнославянского языка, есть необходимость обращения к греческому оригиналу и правки богослужебных текстов.

В-третьих, следует осознавать ценность церковнославянского языка как общего богослужебного языка братских славянских народов, его образность и поэтичность. Поэтому при осуществлении новых корректных славянских переводов нужно избегать намеренной упрощающей русификации, работать не только над смысловой точностью перевода, но и над сохранением художественной и эстетической составляющей богослужебных славянских текстов, которая благотворно влияет на души слушающих. Здесь нужно сказать, что наши древние переводчики создали немало литературных шедевров, используя богатство церковнославянского языка, который является, в сущности, как богослужебным, так и вы-

соким стилем русского и других славянских языков. Поэтому при работе с «темными местами» следует исходить из принципа минимизации исправлений.

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы выразить надежду, что обращение к сложным для понимания местам православного богослужения станет стимулом к более вдумчивому и серьезному отношению к священным текстам, к стремлению понимать точный их смысл и прилагать к своей жизни, без чего невозможна настоящая молитва. Для уяснения богослужебных текстов также могут быть полезны комментарии на богослужебные каноны Феодора Продрома и других комментаторов. Комментарии Продрома помогают как в осуществлении верного перевода с греческого языка, так и в понимании смысла текста, а также показывают истоки данного песнопения (в данном случае цитата из Псалтири) и связь песнопения со святоотеческой мыслью (мысль святителя Григория Богослова о Логосе как главном имени Бога Сына).

В заключение приведем замечательные слова о понимании православного богослужения известного православного педагога и писателя Л. В. Суровой: «Сегодня нам всем необходимо литургическое воспитание. В Древней Руси, которую мы называем Святой, оно заменяло собой все наши законоучительные предметы и породило сонм русских святых. Замечательное это дело — разбирать слова молитв, канонов, выписывать славянские словосочетания, уточняя их значение, делать пояснительные переводы. Открывается благоуханное море церковной поэзии, которая как-то совершенно по-другому, не по-школьному усваивается сердцем. И с реальной жизнью эта литургическая поэзия соединена крепче, чем что бы то ни было. Душа на нее откликается лично, и знание, только что приобретенное, сразу же входит в духовный обиход — служит делу молитвы, углубляя ее» [13, 20].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Allatius L. De Theodoris / L. Allatius // PG. 133. Col. 1006.
2. Kazhdan A. Theodore Prodromus: a reappraisal / A. Kazhdan // Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries / ed. A. Kazhdan in collaboration with S. Franklin. Cambridge New York; Paris, 1984. — P. 87–114.
3. Theodore Prodrome. I tetrastici giambici ed esametrici sugli episodi principali della vita di Gregorio Nazianzeno / Prodrome Theodore / ed. M. D'Ambrosi. Roma: Dipartimento di filologia greca e latina Sezione bizantino-neoellenica Università di Roma La Sapienza, 2008. 298 p.
4. Theodori Prodromi. Commentarios in carmina sacra melodorum Cosmae Hierosolymitani et Ioannis Damasceni / Prodromi Theodori / ed. H. M. Stevenson. Romae: Ex Bibliotheca Vaticana, 1888. — 120 p.
5. Theodorus Prodromus. Ejusdem in eos qui ob paupertatem providentiae conviciantur / Prodromus Theodorus

// PG. 133. Col. 1291–1302.

6. Бибиков М. В. *Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси* / М. В. Бибиков. — Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2004. (*Studia Philologica*). — 734 с.

7. Бибиков М. В. *Историческая литература Византии* / М. В. Бибиков. — СПб.: Алетейя, 1998. — 319 с.

8. Диль Ш. *Византийские портреты* / Ш. Диль. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 744 с.

9. Пападимитриу С. Д. *Феодор Продром: Историко-литературное исследование* / С. Д. Пападимитриу. — Одесса, 1905. — 454 с.

10. Попова Т. В. *Феодор Продром* / Т. В. Попова // *Памятники византийской литературы IX–XIV веков* / ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1969. — С. 203–205.

11. Святоотеческое наследие. Письма свт. Феофана Затворника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblioteka3.ru> (дата обращения 08.01.2020).

12. Соболевский С. И. *Отношение классической филологии к богословию* / С. И. Соболевский // *Богословский вестник*. 1910. Вып. 11. — С. 365–394.

13. Сурова Л. В. «А ну-ка, матушка, встань с колен!» (Церковная и общественная среда как формирующая сила) / Л. В. Сурова // *Тезисы выступления на Рождественских чтениях*. — М., 2009. — 23 с.

14. Фрейберг Л. А. *Византийская литература эпохи расцвета: IX–XV вв.* / Л. А. Фрейберг, Т. В. Попова. — М.: Наука, 1978. — 291 с.

Московская духовная академия

Антишкин А. В., магистр богословия, аспирант кафедры филологии

E-mail: antishkin.av@gmail.com

Moscow Theological Academy

Antishkin A. V., Master of Theology, postgraduate student of the Department of Philology

E-mail: antishkin.av@gmail.com